

Ольга Бакушинская
Эдуард Шатов

Путешествие на ту сторону

Эдуард Шатов
Ольга Бакушинская
Путешествие на ту сторону

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43314247

ISBN 9785005016218

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Честный опыт эмиграции в письмах. Два человека, один из которых уехал десятки лет назад, а другой только-только пересек границу. Что помогает? Что мешает, и причем тут Бог?

Содержание

Ольга Бакушинская	5
Эдуард Шатов	6
Путешествие на ту сторону	7
Предисловие	7
Моя смерть	8
Христос не уходил из Галилеи	9
Огни большого города	18
Лама, лама савахфани?	38
Ностальгия – русская болезнь	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Путешествие на ту сторону

Ольга Бакушинская
Эдуард Шатов

Дизайнер обложки Мария Бакушинская

Корректор Мири Цук

© Ольга Бакушинская, 2019

© Эдуард Шатов, 2019

© Мария Бакушинская, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-1621-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга Бакушинская

Эдуард Шатов

Путешествие на ту сторону

Предисловие

С моим соавтором мы уже написали две книги. В них часто звучало слово «Бог», потому что мой соавтор, мой друг и духовный отец – монах ордена ассумпционистов, живущий в Квебеке. Слова «Бог» в наших книгах было много, но, кажется, впервые мы написали книгу о Боге, когда я переехала в Израиль, и мы писали друг другу письма. Я – иногда кровью. Мы хотели написать об Израиле, но получилось о Боге. Это история первых трех лет моей жизни в другой стране.

Ольга Бакушинская

*В один день Он вошел с учениками Своими в лодку
и сказал им: переправимся на ту сторону озера.*

И отправились.

Евангелие от Луки

Моя смерть

Все началось с того, что я умерла. Я всегда боялась смерти до паники, а потом умерла и начала сначала. Я только не помню, когда я умерла. В марте, когда Россия напала на Украину? Самое страшное время – шесть утра. Я просыпалась и рассказывала себе короткими фразами: «Меня зовут Оля. Мне сорок девять лет. Россия взяла себе Крым». В июне, когда мне позвонили из Центра по борьбе с терроризмом и вызвали на допрос? «Меня зовут Оля. Мне сорок девять лет. Меня обвиняют в организации террористической группы в фейсбуке по мотивам национальной или религиозной ненависти. Я призывала к экстремизму – до трех лет колонии». В июле, когда я села на рейс Монреаль – Торонто – Мюнхен – Кишинев? «Меня зовут Оля. Мне сорок девять лет. Я не вернусь в Москву. Из Кишинева я с дочерью полечу в Тель-Авив».

Точно. Это случилось на рейсе Бухарест – Тель-Авив: «Меня звали Оля. Мне было сорок девять лет. 23 июля 2014 года я умерла».

Христос не уходил из Галилеи

Дорогой Эдуард!

До этого я была в Израиле только один раз, давно и недолго. В Бен-Гурионе, в комнате по оформлению репатриантов висит плакат на разных языках «Добро пожаловать домой!». Ты не представляешь, какой абстрактной фигурой, о которую я споткнулась, оказалась для меня эта надпись. Чужое испепеляющее солнце, синее небо, шумные люди... Даже таксист, который вез меня из аэропорта, и тот спрашивал, почему я выбрала Хайфу? Журналисту, светской женщине надо жить в Тель-Авиве. Я говорила разное:

– В Тель-Авиве дорого.

– В Хайфе у меня знакомые.

– Почему бы и нет? Неплохой город, чтобы начать.

Я говорила, что угодно, кроме того, что было правдой. Когда-то на этот берег сошел Освальд Руфайзен – отец Даниэль, «Даниэль Штайн, переводчик». Еврейский мальчик из Польши, который прятался от фашистов у монахинь, и стал сначала католиком, а потом монахом-кармелитом. Стелла Марис, Морская Звезда, монастырь кармелитов на горе Кармель светил моему Исходу.

На самом деле ни то ни другое. Это развод. Развод с Россией, в которой я не смогла больше жить. Во время развода

много врут. Иногда в главном. И главное тут то, что я не хотела быть запертой. Ни в тюрьме, ни внутри границы. Мне легче не существовать, нежели существовать взаперти.

Кстати, здесь не любят книгу Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик», потому что у нее все герои-евреи стали христианами. Мне говорят, что здесь это совершенно невозможно. И вообще невозможно. А как же я? Хотя я еврейка только на четверть. И меня во всех смыслах нет.

Зато тут есть Христос. Его так много здесь, на севере Израиля, что я не понимаю, как Его никто не видит. Не видят даже паломники на Иордане. Они деловито покупают рубашку и выслушивают инструкции по «купанию». Сосредоточенно лезут в теплую воду и за пятки их кусают сомы – некошерная рыба. Потом они так же деловито вылезают, неприлично более голые, чем если бы они были в купальнике, а не белой хламиде. Они уходят в магазин за сувенирами, а над их головой вьется голубь. Только они даже не смотрят вверх. Иногда мне кажется, что я сумасшедшая, если Его никто не ощущает, а Он все время со мной.

Иногда мои местные друзья рассказывают мне историю еврейского народа. То, что мы называем Ветхим Заветом. Я слушаю. Иногда они рассказывают мне о Христе как о далекой европейской сказке, о которой я ничего не знаю. Я слушаю еще более уважительно и внимательно.

Между тем, Христос не уходил из Галилеи. Возможно, Он не уходил даже в Иерусалим.

Он так и идет уже две тысячи лет по водам Тивериадского озера от Капернаума к Голанским высотам.

Дорогая Ольга!

Опыт смены жизни всегда странный и непредсказуемый. У французов есть выражение: «Уйти – это значит немного умереть». Но я не понимаю, почему в связи с эмиграцией многие употребляют слово «смерть». В Квебеке на дворе только восемь градусов тепла, а мне все больше думается о весне. Утром я слушаю Первую симфонию Шумана, которая называется «Весна». По весне происходят интересные явления, осенняя гусеница, которая никому не нравилась, вылезает из кокона красивой бабочкой. Мне кажется, когда мы меняем что-то важное и фундаментальное в нашей жизни, страну, язык, вероисповедание – происходит аналогичный процесс. Как говорил Павел, фарисей, еврей, апостол: «Раньше у меня было тело физическое, в будущем оно будет духовное». Стоит принять это во внимание. Ситуация сложная, но не катастрофическая. Начало нового мира, в котором тебе предстоит жить. Как говорит автор книги «Откровение»: «Се, творю все новое».

Как и в любом мире, в нем существует вопрос духовности. Тебе придется понять, где находится основание твоей жизни, которое никто не может сдвинуть. Обычно российский, да и европейский человек живет в понятиях Канта. Это пра-

вильно, это неправильно.

Эмиграция – это борьба за себя и близких людей. За свою жизнь. Теперь задай себе вопрос, кто в твоей жизни самый главный? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно очень много времени.

Да и выбора у тебя не было – позади армия фараона, впереди расступившееся Красное море. Почему Бог не изменил характер фараона, а дал выход на волю евреям? Многие раввины толкуют это в том смысле, что Бог может вмешаться в силы природы, но никогда не вмешивается в человека, предоставляя ему полную свободу. Сердца людей он оставляет их свободному выбору. Пройди по морю, а потом сделаешь выводы.

Что касается Христа, он уходил из Галилеи, просто Он там был, присутствовал в своем физическом теле и ты это чувствуешь. Где было присутствие Божие, жизнь никогда не бывает такой, какой она была до этого.

Меня интересует только один вопрос – в чем ты сейчас ищешь основание жизни? В каких местах? В какие источники ты ходишь за водой? Может быть, в твоей ситуации ты наконец получила возможность построить свои отношения с Христом без налета культурной или семейной традиции? В мире, где все может быть «за» и все может быть «против» этих отношений. Подумай, на родине Христа ты получила полную свободу выбора решить, кто для тебя Иисус из Назарета. Который, по твоему мнению, никуда не уходил, а на са-

мом деле добрался до России и привел тебя на Землю Обетованную.

Дорогой Эдуард!

Давно ты меня так не злил. Тебя послушать, так я сейчас почешу макушку и приму решение принять гиюр. Спасибо. Может лучше ты примешь решение стать раввином? Но пока я злюсь, жизнь идет своим чередом.

Еще в аэропорту, при оформлении документов, меня спросили, что я так волнуюсь. Я ответила: «Потому что я высадилась на Марс». Теперь представь себе эту поездку, когда у меня от страха включился английский и я болтала с таксистом и все время рвалась курить. Пока он не сказал наконец:

– Вы знаете, что в Израиле очень хорошее здравоохранение?

– Да.

– Почему вы не хотите ему помочь?

Я засмеялась, тут мы приехали. Израиль маленькая страна. И вот я зашла в гостиницу, за окном арабский район, зной, пальмы и ничего, совершенно ничего не понятно. Со всем. Но хозяин апартаментов показал нам супермаркет. И я понимаю, что мне предстоит там купить еду. Мы зашли с Машей, а там надписи все на иврите. И если хлеб ты еще опознаешь, то молоко уже нет. Не говоря про шампунь. И тогда я заорала:

– Ху спикс инглиш о рашн?

И один мужик говорит: «Галя, давай!»

Продавщица отдела сыров оказалась из Украины. Так что шампунь и молоко мы купили. Заодно и сыр, раз уж дама работает в сырном. Скажу честно, я до сих пор не научилась покупать на иврите сыр, поэтому хожу за этим в русский магазин.

Я проснулась в шесть утра, привычно подумала: «Меня зовут Оля, мне сорок девять лет, и я в Израиле». И тут мне стало так страшно, что я написала тебе первое из череды исторических сообщений на Фейсбуке. Потом за мной заехал сопровождающий, которого я наняла еще из Москвы. Это стоило, но это того стоило, наверное. Мы познакомились, и он сказал:

– «Не давайте мне советов, лучше помогите материально» тут не работает. Материально никто не поможет, но хороший совет стоит денег.

И понеслось. Не ту страну назвали «страной советов». Нет, не ту. В Израиле десять человек в одну минуту тебе дадут пятьдесят абсолютно противоположных наставлений. Пытаться этого избежать бесполезно, нужно расслабиться и дышать глубже. Но это не самое страшное. Самое страшное настигло меня на третий день, когда меня, измученную и обалдевшую, знакомые взяли в компанию на пляж. Компания собиралась в чьем-то дворе, на машинах. Вдруг из окна высунулось крайне удивленное женское лицо:

– Ты??? Ты в Израиле??? Этого не может быть! Не может такого быть!

Меня, как видишь, узнали, я поинтересовалась, почему этого быть не может.

– Но здесь же так тяжело!

Хорошие ребята, два года в стране, мы потом подружись, и они очень активно мне помогали.

Так вот, любимое занятие прежних репатриантов рассказывать, что новым крышка. Примерно в таком стиле:

– Образование на нуле, медицина ужасная, работы нет, все дорого, выжить невозможно.

– Ты сколько тут живешь?

– Двадцать пять лет.

– Кем работаешь?

– Врачом.

– Квартиру купил?

Дом купил в хорошем месте, три машины на семью, но выжить невозможно. Очень плохо. Уезжайте обратно, пока не поздно.

Сказать, что слушать это ужасно, ничего не сказать. Это разрушительно для человека в состоянии «поменял все». Сначала после каждого такого диалога я рыдала, а потом поняла, что это такое общинное «добро пожаловать». Очень не хотелось бы лет через пять услышать из своего рта подобную песню.

Но о русской общине немного позже, потому что сначала

ла на тебя обрушивается не Россия, а Восток. Настоящий Восток, как в кино. С шумом, гамом, мусором, экзотичной манерой одеваться и совершенно иной ментальностью. Тут мало кто извиняется, даже если наступит тебе на голову. Тут почти никто не уступит дорогу. Продавцы и официанты не улыбаются. Да и вообще люди улыбаются редко и своим. В иврите нет слова «вы», это многое объясняет. Например, катастрофическое для европейца нарушение дистанции. Тут все норовят тебя обмануть и что-то ненужное продать подороже. Тут никогда не приходят вовремя. Тут надо торговаться даже в официальном компьютерном магазине. Ладно, в магазине. В банке! Чтобы получить лучшие условия.

И говорить нужно с напором. Если тебе отказали, нужно еще раз настоятельно обратиться с повышением тона. Если отказали еще раз, спросить: «А все-таки?» Это уже не выглядит для меня странно. Только так. Уверенно и жестко. Людей, родившихся в Израиле, зовут сабры или цабарим. Знаешь, что такое цабар? Это плод кактуса – колючий снаружи и сладкий внутри. Можно долго спорить, что тут важнее. Внутри сладкий, но снаружи колючий? Снаружи колючий, зато внутри сладкий?

Пожалуй, если я приеду в Канаду и начну вести себя как в Израиле, меня никто категорически не поймет. А я через неделю поняла, что Ближний Восток – это не то, к чему можно привыкнуть, его можно только полюбить или возненавидеть. Поэтому я, через взлеты и падения, тренирую любовь.

А теперь выбирай, о чем тебе рассказать в следующем письме? О природе? О бюрократии? О быте? О том, что чувствовала и чувствую после развода с Россией? Потому что это все-таки развод.

Огни большого города

Дорогая Ольга!

Давно я так не улыбался, потому что... Я не знаю, при-
мешь ли ты гиюр, это твое личное решение, а вот стану ли я
раввином, это очень интересный вопрос. Раввин – этот тот,
кто живет слушанием и изучением Откровения и Слова Бо-
жия. Это и есть мое призвание. Я никогда не забуду мой пе-
реход израильской границы в аэропорту Бен-Гурион, когда
мне задавали вопросы: «А что вы делаете в Израиле? А кто
вы?» Я ответил: «Священник». Не то чтобы пограничники
не знают, но делают вид: «Кто такой священник?» И тогда я
сказал: «Священник – это определенный сорт раввина».

Думаю, я разрешил твой вопрос с раввином? Продолжим
про твой переезд. Сразу же встал вопрос языка и обуче-
ния языку. Причем, языку, который не похож на твой преж-
ний опыт. Когда ты его слышишь, еще возможны аналогии,
но написанный на иврите текст ставит множество вопросов.
Гласных в нем нет, предположить варианты прочтения труд-
но. Кстати, с этими трудностями сталкиваются и раввины,
и священники, изучающие библейское Откровение. Только
на другом уровне.

И самое серьезное заключается в том, что современный
человек привык все делать сам. Своими силами и опытом.

Сейчас у тебя совершенно другой период, период криков о помощи: «Ху спикс инглиш о рашн?» Я думаю, когда ты это не артикулируешь, ты все равно постоянно внутренне об этом кричишь. Это хороший опыт – отойти от всемогущества, понять, что твоя жизнь отныне строится на взаимоотношениях с людьми, на зависимости от них, если хочешь.

Теперь немного о той стране, в которой ты живешь и считаешь Востоком. Ну, какой же это Восток? Восток – это Иран, Ирак, Индия. А Израиль... Это Запад Востока. Или, скорее всего, Восток Запада.

Читая твое письмо, я задумался над очень интересным фактом, о котором раньше никогда не думал. Житель восточной Месопотамии Авраам однажды услышал Глас Божий: «Отправляю тебя в Землю Обетованную и дам тебе потомство». Так вот, до «западного Запада» Авраам не дошел. Остановился на Средиземном море. Возможно, что земля, на которой ты живешь, обращает нам всем вопрос, что есть пересечение двух миров? Заметь, с настоящим Востоком у иудеев всегда существовали проблемы. Какой же это Восток, если все праздники Израиля имеют под собой основания в виде освобождения от рабства, оков, повинностей? Подобного не существует ни в одной восточной культуре.

Ты пишешь, что тебя раздражает необходимость торговаться, но ведь можно поставить вопрос по-другому – все необходимо обсуждать. В том числе, и цену. Предположи,

что истина, приемлемая для обеих сторон, распознается только в диалоге.

Да, что там греха таить, в Канаде на твои новые привычки посмотрят странно. В западноевропейском обществе мы привыкли видеть себя хозяевами мира, вести себя отстраненно и несколько «надменно». Посмотрят странно, но не все. Кто-то обрадуется даже твоей новой фамильярности, способности отстраниться от социальных предрассудков и общаться с разными людьми.

Вспомни, как мы меняли твой обратный билет из Канады? У тебя был билет в Москву, а надо было в Кишинев. Мы могли бы действовать по европейским правилам, не нажимать, не настаивать, держать дистанцию. Куда бы тогда прилетела, раскланявшись и шаркнув ножкой? Только усилием можно изменить ситуацию.

Твои трудности – это трудности любого человека, который больше никогда не возвратится из отпуска. Ты спрашиваешь, о чем написать в следующем письме, и предлагаешь темы, чтобы я выбрал. Не выбираю ни одну, но предлагаю свою. Ты выехала из России, но выехал ли российский менталитет из тебя? Как твои российские корни влияют на твой опыт в Израиле – позитивный и негативный? Опыт на твоей новой родине, которая оказалась одним из основных корней твоего дерева жизни.

Дорогой Эдуард!

Российский менталитет из меня не выедет никогда. Может, из моей дочери и выедет, а мне уже поздно. Мои предки жили в России века и много для нее сделали. Среди них были люди разных национальностей, разных профессий и вероисповеданий. Православные священники и раввины (кстати). Мой дед – родственник очень известного витебского раввина. Я прервала эту нить, но как же я это из себя выну и выброшу?

Куда и зачем? Да, в моей жизни случилась эта вынужденная личная и профессиональная драма, теперь приходится с ней жить и начинать с нуля. А вот влияет это не так сильно, как тебе кажется. Дело в том, что умом я понимаю – не мне лезть в этот монастырь со своим уставом. Учусь. В том числе и новым законам общения. Иногда не справляюсь, иногда горько плачу. Постоянно пребываю в депрессии и страхе, но все равно учусь. Дела на нашей родине таковы, что лучше нам обоим находиться подальше. Ты и сам это знаешь. Значит, надо иметь мужество и совесть быть благодарной той стране, которая дала мне гражданство через час пребывания на этой земле. Дала только потому, что семьдесят лет назад были зверски замучены шесть миллионов евреев. Гитлер считал «четвертинок» евреями, поэтому Израиль нас берет к себе. Вот мою дочь пока не берет – три года ей предстоит жить по визе и только потом подавать просьбу о присвоении гражданства. Это для меня новый опыт – гордиться

своим паспортом. Тем не менее, я горжусь.

Что больше всего убивает? Видишь ли, на Тель-Авив у меня нет и никогда не будет денег. Там очень дорого жить. Но израильская провинция... Она провинциальна. Мне меньше всего хотелось бы, чтобы это прочли как осуждение. Повторю, не мне учить страну, которая меня приютила, учит бесплатно языку и дает пособие. Но я не могу не видеть некоторых вещей, которые как... Как песня на завалинке под гармошку.

Например, объявление по радио в ульпане:

– Внимание! Внимание! Приехал магазин «Алла»! Приехал магазин «Алла»! Приобретайте товары в магазине «Алла»!

Что такое магазин «Алла»? Это открытый багажник автомобиля, где лежат стопочками какие-то немислимые труселя в комплекте с немислимыми банками. В такие моменты я чувствую себя комсомолкой Лопаткиной, которая после окончания института была распределена в колхоз на должность агронома. Ирония судьбы в том, что должность агронома мне не светит ни в коем случае. В Израиле я человек в возрасте, без языка и без профессии. Если я буду хорошо учиться, меня могут взять продавцом. Если плохо, уборщицей. Меня это почему-то не пугает. Наверное, потому, что я давно мечтала о дауншифтинге.

Ой, а дамы во всяких официальных конторах. Надменные, суровые, которые смотрят на тебя, как на внезапно воз-

никшего на их пути таракана... Спасибо, что не давят каблук-ком. Хотя иногда и давят. Ты скажешь, что в России на таких местах тоже сидят женщины неопределенного возраста, пугающей внешности и неизбывного хамства? Да, но российских я могу поставить на место на доступном им языке.

Давай о хорошем, ладно?

Израиль очень красивая страна. Совершенно разная на такой маленькой территории. Какое тут синее и глубокое море, которое сливается с синим и глубоким небом. Как все безудержно цветет невиданными цветами. Цветет все подряд – деревья, кусты, лианы. Какая тут черная, душистая, южная ночь, чей покой нарушается только цикадами и летучими мышами.

В сельском хозяйстве Израиля занято четыре процента населения, но видел бы ты это сельское хозяйство, которое полностью обеспечивает потребности страны и еще много кого кормит, включая Россию. Ты подумай, Израиль экспортирует в Россию картошку и морковь. Стыдобища. А коровы дают больше молока, чем голландские, их доит компьютер и каждый день они принимают теплый душ. Вот этот вид сверху на долину реки Иордан, где финиковые пальмы сменяют банановые плантации, где зеленеют поля и шумят мандариновые рощи... Каждый кустик помидоров здесь поливается из отдельной трубочки. Воды нет, это сухая земля пустыни, но как ее преобразил человек! Знаешь ли ты, что большинство передовых технологий изобретено в Израиле?

А где предпочитают размещать свои наукоемкие филиалы самые известные фирмы электроники? Знаешь ли ты, что несколько месяцев назад в Израиле нашли прививку от рака и сейчас она проходит испытания?

Моего труда в этом нет, но я... Я пробую на вкус новые слова «Ольга Бакушинская израильтянка» и... горжусь этим.

А чем я не горжусь, даже, наоборот – я в ужасе... Об этом в следующем письме.

Дорогая Оля!

Когда я задал тебе вопрос о твоём менталитете, я тебя немного провоцировал. Это нормально, что российские корни останутся при тебе – дерево пускает корни, потом появляются листья. Это был вопрос, скорее, не о российском, а советском менталитете, который присутствует у всех жителей Российской Федерации. В большей или меньшей степени. Недавно в социальной сети ты спросила, чем же советский проект всех так прельстил, что многие не собираются от него отказываться? С моей точки зрения он предлагает человеку очень простую схему жизни, выраженную сыном жабы из «Дюймовочки»: «Поели – теперь можно и поспать. Поспали – теперь можно и поесть». Никакой инициативы, никакого творчества, никакого созидания и ответственности. Даже любить в этой системе координат невозможно. Только манипулировать.

Этот менталитет постоянно ищет врага. Если посмотреть на верующих людей, находящихся в плену советской ментальности, они везде ищут корни дьявола. О Боге совсем не думают, больше о сатане. Откуда бы его изгнать и на кого переложить свою вину. В экономике и политике нам тоже все пытаются «навредить». И внутри государства и снаружи. Везде и всегда человек был способен на зло и предательство, однако, религиозная мудрость призывает не к наказанию, а к осмыслению и к прощению. И Бог не уничтожает, а преобразует мир, и преобразит полностью в конце времен. Нам ли стремиться к истреблению другого?

К чему я это говорю? К тому, что, живя в Израиле, ты встречаешься с людьми, которые выросли в этой реальности, а не свалились с планеты Марс. Даже осознавая себя евреями, они не могут отрубить корни, по которым текут их жизненные соки. Тебе тоже придется преодолевать этот процесс – научиться смотреть на реальность объективно, но при этом не отчаиваться.

Еще одна черта есть у советского человека, думать, что он может на все этом мире повлиять. Россия импортирует большую часть продовольствия, и все при этом уверены, что еда не пропадет. Ты пишешь, что никогда не будешь иметь хорошую работу и жить в хорошем доме. Вспомни, еще недавно у тебя все было более чем хорошо. И дом, и престижная работа. Все рассыпалось за считанные часы, и ничего от тебя не зависело. Ты сейчас в Израиле, религиозном государстве,

религии которого не свойственно отчаяние. «Звездить», может, и не будешь, а пристойно жить можешь, это в твоих руках. Отдай себе отчет, что возможно, и двигайся. То же самое касательно твоей дочери.

Если кратко охарактеризовать твое состояние, то это звучит так: «Моя жизнь драматична, но мне не хочется драмы». Так не бывает. Принцип советского человека: «Все или ничего». Принципы иудео-христианской религии: «Постепенно приближаемся к исполнению Обещания». Даже Бог действует постепенно, через страхи, радости, угрозы и предательство. Даже из отречения Петра не стоит делать историю в стиле Эпохи Просвещения: «Либо я Мальчиш-Кибальчиш, либо я Мальчиш-Плохиш, нам бы еще ночь простоять и день продержаться».

Ты описываешь природу Израиля, которая дает подсказку. К каждому кустику и цветочку подведена труба, через которую в определенный час подают воду. Воспринимай это как видимый знак того, как нужно обращаться с людьми. К каждому человеку своя трубочка, через которую поступает живительная влага в нужном количестве. Не надо пальму заливать водами Мертвого моря. Пробовать, ошибаться, постепенно облагораживать.

Не существует теоретической истины, существует истина любви Бога, которая всегда выражается в конкретной ситуации в конкретное время, совершенно по-разному. Ее нельзя забетонировать.

Тебя польют в свое время. Вспоминается образ из Книги Пророка Даниила, когда вода течет из Храма. Это животворящие силы Бога, которые дают жизнь всему.

Дорогой Эдуард!

Вода течет из Храма, потому что это Вода. Самое ценное на этой земле, потому что самое редкое. Во всем Израиле, по сути, только один большой источник пресной воды – озеро Кинерет. Тивериадское озеро. Есть еще река Иордан. По нашим российским меркам это и не река никакая, а ручеек, но она орошает ближайшие долины, как может.

Вернемся, однако, к частным проблемам. Которые тебя тоже касаются. Раза три в неделю я в шесть утра пишу тебе в интернете. Я тебя даже предупредила, что воспринимать нормально можно только то, что я пишу в шесть вечера, а что пишу рано утром, надо делить на десять. Даже я, смелая и откровенная женщина, никогда не решусь публично нашу переписку цитировать. Я даже перечитывать эти послания не решусь, ибо это реалити-шоу из моего внутреннего ада. Огонь, грешники, котлы, вопли. Знаешь, когда переживаешь несчастную любовь, то головой понимаешь, что ее уже кто-то переживал. Но все существо кричит, что такого ни у кого не было. Ты один такой на грани жизни и смерти.

Я в курсе, мне все старые эмигранты говорили, что через это проходили. Представь себе, плакали страшно абсолют-

но все. Мужчины, женщины, дети и старики. Все. Это как онкологический диагноз. Предстоят долгие месяцы тяжело-го лечения, отчаяния и надежды. Результат неизвестен, оста-ется только молиться. Прежние социальные связи разорва-ны, новых еще нет. Их нащупываешь, как кочки на болоте. И иногда проваливаешься по шею. Все время кажется, что тебя хотят обмануть, самое интересное, что тебя все и прав-да хотят обмануть. Эмиграция в Израиль, с одной стороны, довольно мягкая. Дают пособие на первое время, льготы, учат языку. С другой стороны, назовем вещи своими имена-ми – в организациях, которые занимаются абсорбцией, го-дами обитают отнюдь не лучшие люди нашего города. Пе-регрызшиеся между собой, высокомерные, ленивые. Это ка-кой-то ночной кошмар наяву. Слететь вдруг на самое дно, ходить по кабинетам, где на тебя смотрят как на мусор, пе-ребивают, учат жизни, хамят разнообразные бабы, неизвест-но по каким признакам туда набранные, но явно не по уров-ню компетентности и человеческим качествам. В Москве я знала, как ответить, здесь не знаю. Не понимаю пока. Но мне так часто говорили, что отвечать надо, что однажды я высту-пила.

Эта дама хорошо известна репатриантам Севера. Теоре-тически призвана им помогать. Ходит читать лекции в уль-пан. В один печальный для нее день она появилась и в нашем классе. И начала с порога:

– Вы уже, наверное, поняли, что я диктатор?

Как же не понять? Неухоженный вид, немислимые для преуспевающего юриста зубы. Байки, которые она рассказывает из года в год уже двадцать лет. Сначала вступление, как нам повезло и как нам платят пособие, которое мы не заработали, а еще выступаем и требуем не швабру с тряпкой, а достойное место работы. И какое может быть достойное место работы, если вы преподаватель политэкономии?

Какая политэкономия спустя двадцать три года после кончины социализма?

Дама скатилась в прямую уголовщину и рассказала историю про своего знакомого инженера. Который устроился электриком на маленький частный завод, а через неделю его уволили, потому что не оказалось работы.

– Ты что, дурак? – поучала его женщина. – Надо было сломать розетки и отрубить электричество, а потом его с трудом починить. Владелец убедился бы в твоей необыкновенной нужности.

Когда она закончила, я встала и включила телевизионный голос. Этим самым голосом я чеканно поблагодарила ее за интереснейшую лекцию, а потом доложила народу, как все обстоит на самом деле. И попросила ее не обращаться с нами, как с классом коррекции, который не умеет пользоваться туалетной бумагой, не знает, что такое кредитная карта, и никогда не был дальше Торжка.

– Я кого-то обидела?

Терпила с задней парты продудели:

– Неет!

– Не апеллируйте к публике, последнее дело для оратора, – сказала я и вышла. Свидетели доложили, что Мила успела после этого соврать одной паре в вопросах визового режима.

Я специально так подробно рассказываю про одну даму, потому что она квинтэссенция этих учреждений. С ними бояться ссориться, потому что опереться не на кого. Но и Министерство абсорбции опора так себе. Между прочим, эти бабы прошли в свое время то же самое, но вместо сочувствия от них видишь только дедовщину.

Когда мы только приехали, Маша попробовала ходить в летний улыпан. Начинала она с нуля, а там дети уже месяца два учили язык. Она ничего не поняла и отказалась учиться. Я позвонила куратору и попросила, чтобы с ней немного позанимались индивидуально, объяснили начальные принципы. В ответ я услышала:

– А чего она не понимает? Я ее видела, на дебила не похожа вроде.

Да, моя дочь не похожа на дебила. Она училась в одной из лучших школ Москвы. А сейчас она сидит в мигрантском гадюшнике за сломанными партами. Ее кое-как учат языку и математике, и никак физике, химии, литературе, истории. Решив за нее, что это лишнее для карьеры продавщицы. Я найду выход, даже если она потеряет год в восьмом классе, но я привезла в Израиль чудесного, умного, способного ре-

бенка. Даже если завтра я стану инвалидом и остаток жизни проведу на пособии, я расплатилась. Но помогите сейчас ей, черт вас возьми. Это же ваше будущее.

Дорогая Ольга!

Начну с твоих писем. Которые ты пишешь в шесть. Утра. Потом, в шесть вечера я читаю твое же размышление над тем, что ты писала утром. Это всегда очень забавно. Ты утренние письма зря не перечитываешь, давало бы ключ к пониманию многих вещей. Именно к исходу ночи к нам приходят самые сильные подсознательные страхи. Это серьезный духовный опыт. Думаю, когда ты будешь в Иерусалиме, тебе стоит сходить в Гефсиманский сад именно в это время суток. Чтобы помолиться и осознать, что переживает человек, который живет верой в Бога, взглянуть в глаза проблемам, которые создают бурю в твоём сердце и в твоей душе. С этим надо справляться, но об этом необходимо говорить. Хочется писать мне в шесть утра – пиши. Самое главное, чтобы потом ты писала в шесть вечера. Если оба послания начнут совпадать, я пойму, что дело плохо.

Страх, как любовь и смерть, переживается всегда лично. Вчера вечером я служил мессу для семьи, которая пятьдесят лет прожила в браке. Очень радостное событие. Через десять минут после завершения богослужения (такова жизнь священника) я отправился на похороны. Народа было до-

статочно много. Пришел дьякон и стал утешать родственников и друзей: «Покойный был такой удивительный человек, но что делать – мы все умрем». На что одна дама заметила в сторону: «Спасибо, церковные похороны не хочу». О страхе, смерти и любви мы теоретически хорошо осведомлены, но когда они приходят к нам, теоретические знания не помогают. И формальные утешения тоже.

Естественно, все твое существо кричит, но именно в этот момент нужно стоять в ночи и доверять все Богу.

Этот опыт – опыт Иова, в том смысле, что мы все привыкли к месту нашего рождения, нас окружают определенные люди, определенный язык и опыт. Однако наступает момент, когда мы должны осознать – все, что мы имеем от рождения до смерти, это дар Божий, а не то, чего мы достойны. Те, кто этого не понимает, часто ведут себя зло, недоверчиво, властно. В тот момент, когда у тебя ничего не стало, ты задаешь себе вопрос: «Почему это случилось?» Все друзья Иова пытаются ему помочь понять, но для него самого это не важно. Для него важно то, что теперь с этим делать. И требует он лишь одного – присутствия Бога в своей жизни. Пусть неверующий требует присутствия других людей и восприятия себя как личности, которой уже дано достоинство. По праву человека.

Тебе предстоит осознать, что внешнее обманчиво. Если бы ты оставалась звездой телевидения, с деньгами и положением, вокруг тебя крутилось бы много «друзей» и «по-

мошников». Сейчас у тебя есть уникальная возможность узнать, кто оценит тебя как человека. Это тяжелый, но необходимый опыт. Еще один важный момент, даже в этой ситуации надо делать добро. Тебе придется научиться общаться с людьми из разных слоев общества и не превозносить себя. В этом принципиальная разница с госпожой «диктатором», которую ты процитировала в последнем письме, госпожа пытается показать окружающим, что они никто. В Евангелии Иисус говорил, что власть тяготеет над людьми, дает им чувствовать себя уверенно, однако добавляет, что Его царство другое, не от мира сего. Достаточно часто мы думаем, что авторитет довлеет. Настоящий авторитет дает понять, что является благом, только силой добра, не пытается использовать другого. Ты очень точно заметила, что диктатор апеллирует к общественному мнению, разворачивает позицию в соответствии с ним или будет формировать это мнение в соответствии со своим планом. Манипуляции возможны только тогда, когда положение неустойчиво. С этим также связан феномен, который ты назвала «дедовщиной». Жгучее желание заставить другого пережить то, что когда-то пережил сам. Новых бояться. В первую очередь, за свежий взгляд. Кстати, ты знаешь, что в некоторых монашеских общинах, например, у бенедиктинцев, в первую очередь просят говорить по главным вопросам новых братьев? Они еще не «как все», не знают дипломатических путей, и их оценка иногда помогает разблокировать проблемы, которые существуют годами.

В конце своего письма я хочу тебя успокоить на счет Маши. Не торопись, не думай, что жизнь так безумно коротка, что потерять год в школе невыносимо. Ты ведь знаешь отца Бенуа Лакруа, известного канадского доминиканца-проповедника? Он должен был в августе приехать к нам на фестиваль Библии, но упал, попал в больницу, ходит с палочкой и говорит: «Теперь я отдал себе отчет в хрупкости моего здоровья». Уж пора. Девяносто девять лет все-таки. Если Маша задержится на один год в школе, но проживет сто лет, какая тебе разница?

Будущее никогда не оторвано от настоящего. Что посадишь, то и вырастет. В свой срок, просто поливай и обихаживай.

Дорогой Эдуард!

В целом ты довольно точно определил, что я «ем» в полной мере. Ужас и оторопь перед будущим. Москва не самый гостеприимный город, но там я была привилегированным классом – известной белой женщиной культурной профессии. А тут, когда я говорю на иврите, путая мужской и женский род, я чувствую себя в шкуре таджикского дворника. Собственно, я хуже. Дворник лучше владеет русским и сам зарабатывает на хлеб. Но я сразу решила не тешить себя мыслью, что все наладится, отрезать и начать сначала. И будь, что будет. Иное оказалось бы еще более мучитель-

ным. Прежняя жизнь истончилась и вытекла. Господь дал новую. Какой бы она ни была, она будет другой. Начать сначала – не проклятие, а благословение. Возможность стать мудрее и что-то понять. Перестать заноситься. По крайней мере, я поняла кое-что об истинном смирении, добродетели мне доселе неизвестной. И вот еще что я поняла из важного. Бог старается сделать нас лучше, научить чему-то в земной жизни, вырастить. Надо только его слышать. Мало веры, нужно доверие. Надежда, что Он подхватит тебя, как Средиземное море, и ты поплывешь среди серебряных рыб.

Ты помнишь, как меня раздражала эта медленность жителей Квебека. Остановиться на улице, долго что-то обсуждать, зайти в магазин, поговорить с продавцом, потом с барменом. Я не понимала совершенно, что это... Знаешь, способ видеть человека. Сейчас я сама стала такой же. Пошла, встретила, поговорила, обсудила, снова встретила. Это Левант, тут никто не спешит, объятый жарой, цветами, ветром и морем. Бойтесь своих желаний, они имеют обыкновение сбываться. Я уже несколько лет твержу, что мечтаю видеть море из окна. Сейчас из моего окна видна вся огромная хайфская бухта. На другой стороне Акко, за ним маяк и граница с Ливаном. В бухте стоят на рейде грузовые суда. Со времен последней войны круизные лайнеры не заходят в порт, но они вернутся, надо только уметь ждать. И знаешь, тут меняются представления о расстояниях. Весь мир сейчас в ужасе от Исламского Государства. Есть чего бояться –

со времен Аль-Каиды это самое опасное и злое, что грозит человечеству. Исламское государство от меня в шестидесяти километрах. По израильским меркам вполне приличное расстояние. Я стояла на Голанах, на вершине потухшего вулкана, рядом с колючей проволокой по колено. Это не граница, это линия прекращения огня после израильско-сирийской войны 1973 года. Внизу лежала Кунейтра, где еще недавно шли бои. За ней Дамаск. И знаешь, мне не было страшно. Я не знаю, как получилось, но тут никому не страшно, даже когда летят ракеты. Это судьба, Эдуард. У евреев нужно учиться вере в Творца, разлитой в воздухе и такой густой, что ее можно есть ложкой.

Наш класс в ульпане представляет собой интересное зрелище. Одна галахическая еврейка (одна). Остальные, что называется, «на дедушке приехали». Как говорится – найди в себе еврея.

Это один из самых страшных страхов – не выучить этот непростой восточный язык...

Сколько бы ты наращивал в себе еврея, формально ты им не станешь никогда. Это вопрос крови, и доказательство изучает раввинат. Это что-то вроде страшного суда. То если раввинат, покопавшись в твоих предках, тебя евреем не назначил, тебе уже в Израиле не жениться. Езжай на Кипр, болезный, и привози оттуда бумажку. Так и быть, мы ее признаем. Если представить себе гипотетический случай с Машей – она выросла и влюбилась в парня из ортодоксальной семьи, тут

случится натуральный Шекспир. Никто такую «грязнокровку» в семью не примет, тем паче, еврейство считается по матери. К счастью, у нее мало шансов познакомиться с мальчиком из ультрарелигиозной семьи.

Мне это совершенно не нравится, люди не должны быть разделены и дискриминируемы по признаку крови и религии.

Лама, лама савахфани?

Дорогая Ольга!

В твоём последнем письме меня немного удивила твоя фраза про доверие. Вера – это именно доверие, а доверие и есть вера. Достаточно часто вера отождествляется с системным богословским знанием и размышлением, интеллектуальным видением Бога. Но доверие, хотя и не исключает теоретических знаний, вовсе не является ими. Специалист по религиоведению может быть неверующим. Когда происходит знакомство, две стороны узнают друг друга, но важно не количество собранной информации, этим занимаются службы безопасности и некоторые журналисты. И вера во все не «кодекс нравственного поведения» молодого католика или иудея. Это живое отношение, которое доверяет себя другому.

Ритуальность в нашей жизни необходима, так как вся наша жизнь основана на определенном количестве жестов. Но иногда она может быть близка не к вере, а к суеверию. Вроде как Бог существует, но не имеет никакого значения. Имеет значение, что я пошел в храм и сделал как положено – теперь все будет в порядке. Это иллюзия отношений, которых нет. Если мы чувствуем, что Бог или другой человек желает нам добра, именно тогда мы можем доверять ему.

Тебя очень раздражала медлительность жителей Квебека, но тебе не кажется, что это просто возможность рассмотреть другого и дать другому рассмотреть себя? Это хоть немного спасает от утилитарного подхода к людям. Потому что очень часто мы следуем совсем другой дорогой: пока я могу что-то получить, я здесь, а если ничего, то разошлись пути-дороги. А не то случится страшное – полюбишь, начнешь испытывать сострадание...

Еще одна тема из твоего письма. Что значит – стать самим собой? И что значит – стать евреем?

Я не свои мысли сейчас буду излагать, а бывшего главного раввина Великобритании, умнейшего Джонатана Сакса. Он сказал, что быть иудеем – это не только сделать обрезание. Быть Израилем (Иаковом, который потом получил это имя) – это противостоять Богу и человеку. И держаться в этом противостоянии. В страхе и напряжении всю ночь бороться с ангелом, но превозмочь. И превозмочь – это не выиграть, а именно выстоять. До этого Иаков, как известно, бежал от Бога и людей и пытался всех обмануть.

Не надо задаваться вопросом, «таджик» ли ты, не владеющий языком, светская ли московская дама, которая оказалась в роли «таджика»... Спроси себя, там, где ты сейчас находишься, состоишь ли ты в общении с Богом и людьми, защищая человеческую жизнь? Свою собственную, в том числе. Жизнь и достоинство. И еще спросить себя – там, где ты находишься, помогаешь ли ты себе и другим возражать,

а не опускаться, впадая в бесчеловечное, в бездну бездуховности.

В своем письме ты пишешь, что еврейство – это вопрос крови. Частично это правда. В Ветхом Завете кровная связь с иудаизмом подчеркивается часто, но гораздо чаще подчеркивается внимание к иноземцу, к тому, кто пришел извне. Фундаментальный для евреев опыт – опыт египетского рабства и освобождения из него. И нельзя сказать, что этот опыт забыт. Проблема памяти связана с воспитанием и происхождением. Если человек связан с еврейством, он должен получить определенное воспитание и образование. Это не значит получить диплом еврея, надо, чтобы это воспитание и образование присутствовало в каждом кусочке бытия.

Нас всех потрясло, когда недавно покушались на жизнь канадского премьер-министра, потому что он ходил без охраны. Теперь приставили. Никто раньше об этом не думал, и, главное, никто не собирался стрелять. Это в менталитете.

Когда президент Российской Федерации едет по Рублево-успенскому шоссе, его перекрывают на три часа. И это тоже в менталитете.

Если же у тебя нет такого воспитания, не нужно себя чувствовать отбросом или испытывать комплекс вины, нужно просто постоянно отдавать себе отчет в своих корнях. Драма современного российского общества, что образования и воспитания практически нет, зато есть убеждение, что люди – это вещи.

И последний вопрос, на который я хочу обратить внимание, «кто на ком» приехал. На дедушке или на бабушке. Да без разницы, как ты получила идентичность. Если ты ее получила, задайся вопросом, как ты исполняешь свое призвание. Где ты находишься вместе со своей историей. Сложности могут помочь тебе в этом. В конце концов, Моисей тоже был воспитан при дворе египетского фараона. Кровь и религия призваны контактировать и дискутировать с другой кровью и религией. Только диалог надо строить правильно.

Дорогой Эдуард!

У нас такое удивительное разделение в письмах. Ты говоришь о высоком, я о бытовом. Впрочем, быт, когда ты начинаешь его учить, как младенец, становится вопросом философии в некотором роде.

Знаешь, когда становится легче? Когда ты начинаешь различать лица. Потому что сначала не различаешь. Люди вокруг кажутся тебе одной враждебной массой. И буквы. Я не могу тебе описать ужас, когда странные восточные буквы окружили меня со всех сторон, как противотанковые ежи – в Израиле почти ничего не дублируется на английском, даже надписи на этикетках продуктов.

Все внутри меня визжало, что я никогда не смогу их различать – они же одинаковые. Сейчас мне кажутся одинаковыми слова, но я знаю, что это проходит, потому что буквы

встали на свое место и даже показались красивыми и правильными.

Мне поначалу многие говорили, что язык легкий. Устный, по крайней мере. Ага. Очень. Я плохо понимаю, как некоторые мои соученики еще и работают. Наверное, шибко здоровые. Я не только ничего не успеваю, у меня мечта – спать сутки. И чтобы мне не приснился иврит.

Я уже могу предсказать, что через некоторое время я буду как-то коряво говорить, но говорить на языке интеллигентного человека я не буду никогда. Потому что это не европейский язык и их, по сути, два. Один для быта, а другой для Танаха, например. Это все несколько сужает круг общения, и без того узкий, но на отвлеченные философские темы русские тут говорят с русскими. Хорошо еще, что нас много и многие из нас в России были вполне себе на уровне. Книжки читали, образование имели. Мы сбиваемся вместе, конечно. Старшее поколение. Те, кому лет меньше и память получше, вполне себе интегрируются, если хотят. А кто не интегрируется, отправляются в Америку или Канаду. Очень, кстати, распространенный маршрут. В Америке и Канаде стреляют поменьше, жизнь почище и подешевле. Люди вежливые.

А если один раз себя оторвал, второй раз уже нет проблем. Эмигранты люди без родины. Спроси меня, патриот ли я Израиля? Вполне. Родина ли это моя? Ну, в каком-то смысле.

В девятом часу Иисус громко закричал: «Боже, Боже, почему Ты меня оставил?»

Я могу это прочесть даже на арамейском. На это уже хватает.

Но родины нет. На свое «Лама» (почему) Иисус в тот момент ответа не получил, но я вполне могу дать ответ на свой вопрос: «Каха (потому)».

Я чувствую себя песчинкой в океане, листочком на дереве, перышком на ветру. У моих соучеников такие разные судьбы. Кто-то приехал прямо с войны, из Луганска и Горловки. Кто-то из Беларуси, кто-то из глубинки. Люди хорошие, но всех нас вырвало по разным причинам и унесло, теперь будем скитаться. Даже могу представить, как заработаю много денег, хоть и не знаю как. Построю дом, разобью сад с гранатами и мандаринами... Почему с гранатами и мандаринами? Они красивые очень, Эдуард. Мандарин весь обсыпан оранжевыми солнышками на темно-зеленой листве. Смотришь на него и улыбаешься. Ты видел гранат? У него ствол тонкий, ветки тонкие, листья маленькие и сухие, а на ветках висят большие красные бомбы. До слез такое дерево.

Так вот, я построю дом, разобью сад, но всегда, всегда буду помнить, как хрупки эти стены, потому что мои стены уже однажды разрушились вмиг. Я буду помнить, как занавески, кровать, лампа, картины на стенах покинули меня и я преклонила голову для беспокойного сна на чужбине.

Ты монах, тебя, возможно, так воспитывали, но тебе ни-

когда не приходит в голову, что у тебя тоже родины нет? Ты ляжешь в чужую землю и чужие люди буду ухаживать за твоей могилой? Да и не это самое важное. Ты как смотришь на страны, в которых ты жил? Нравится или не нравится? Хорошо или не хорошо? Но мы русские, а Россия нас выставила за дверь. Так или иначе. Нет нам там места с нашими мыслями и чувствами.

И нигде нет. Вот тебя очень любят в Квебеке. Но тебе не кажется, что смотрят немного так: «Надо же, из дикой страны, а такой умный парень. Вилкой и ножом умеет пользоваться»? Я знаю, так же теперь смотрят на меня.

Дорогая Ольга!

Ты пишешь, что я все время говорю о высоком. Да нет, я и о бытовом очень часто, просто я не инструкции для стиральной машины пишу: как запустить, куда сыпать порошок...

Очень важную фразу ты сказала, что становится легче, когда начинаешь лица различать. В этот момент другой становится для тебя не вещью, а человеком со своим лицом. Различение лиц не непреложный факт, нужно время. Вспомни, когда ты приехала в Канаду первый раз, наши африканские братья были для тебя на одно лицо – черненькие, круглолицые, без разницы. Самое удивительное, что для азиатов и африканцев мы тоже сначала на одно лицо – беленькие и оваль-

ные. Хотя нет, не белые, скорее розовые, как поросята, хотя они об этом не говорят. Только со временем для них проступают наши особенные черты. Проблема не в людях, а в том, какими средствами они сформировали и поддерживают красоту человечности. Добротой или ботоксом.

Тебе говорили, что иврит легкий? Ни один язык и ни один человек не является «легким». Мы все достаточно сложно устроены. Легко сказать: «Привет! Пойдем в кафе!» Чтобы выразить более сложные мысли, придется потрудиться и потратить время. С языком то же самое. Серьезные языки просто не могут быть простыми к освоению. Так что не мечтай о том, чтобы иврит тебе не снился. Пусть снится, и как можно больше.

Теперь о самом главном. Не надо думать, что эмигранты — люди без родины. Нина Берберова написала в одной из своих книг, что российские эмигранты были миссионерами истинного русского духа. Эмигранты очень часто сохраняют тот самый «цветочек аленький», когда почва в родном саду для него не подходит. У него всегда будет существовать некоторый разрыв между тем, чем питались его корни до этого, и чем питаются сейчас. Ситуация сложная, но дает возможность со старым опытом посмотреть на новую реальность.

Да, иногда «цветочек» пересаживают и ему очень хочется закричать: «Почему? Почему?»

Твои проблемы я очень хорошо понимаю, но если ты ду-

маешь, что если я монах, то у меня и родины нет, я только посмеюсь. У меня есть родина и она одна. Нет, конечно, это Царствие Небесное... Но на этом свете моя родина Россия. Мои корни находятся в этой стране, в этой культуре, я о них не забываю, но и ужаса от того, что меня положат в чужую землю, у меня нет. Хорошо, будут ухаживать чужие люди. Спасибо им большое, если они вообще найдутся.

Ты вообще знаешь, что то место на кладбище, где хоронят монахов нашего монастыря, оно не наше? Мы его арендуем: иногда на семьдесят, иногда на сто, иногда на сто пятьдесят лет. А потом мои кости могут переехать в другое место или в безымянную могилу. И только Господь будет знать, где меня искать во время Второго Пришествия.

Поэтому в ордене всегда так важно, как и в семье, продолжение рода. Чтобы были молодые монахи «за могилкой ухаживать».

Я ответил на твой щемящий вопрос? Тогда завершу свое письмо утверждением – нет ни одной идеальной страны. Но есть более или менее подходящие для жизни. По-разному подходящие, но тем не менее. Французы очень любезны, англичане верны в дружбе. Квебек сочетает в себе и ту, и другую ментальность. Мне нравится, чувствую себя хорошо. Я вообще, как ты заметила, не люблю себя чувствовать плохо.

Ты пишешь, что Россия выставила нас за дверь. Да. Выставила. Однако иногда лучше быть выставленным за дверь, не испытывая зла, чем остаться и участвовать в склоках.

Не страдай, ты отправилась в путешествие. Возможно, кругосветное.

С некоторых пор Россия, которую ты любишь, – миф. Но это не значит, что ты не должна рассказывать о своей родине правду. О плохом и о хорошем.

Меня мама на днях по Скайпу спросила:

– Сколько этот ужас будет продолжаться? Будем ли мы когда-то жить хорошо?

Я отвечаю:

– Будем!

– Откуда ты знаешь?

– Божья Матерь Фатимская сказала, что Россия обратится. Однажды. Не сказала только, когда.

Конечно, говорить такое проще из Квебека, наблюдая российские события, которые я считаю ужасными, со стороны. Но это не перестает быть правдой – есть надежда, что однажды мы возьмемся за ум.

Дорогой Эдуард!

Скажу сразу, я не очень верю, что на нашем веку в России что-то изменится. Столько времени все бегало по кругу и вдруг сюрприз. Столько поколений образованных людей очаровывались очередной «оттепелью», «освобождением крестьян», «манифестом» и «перестройкой», что можно уже расслабиться и не калечить свою жизнь. То, что мы

все калеки, я поняла только здесь. Народ вокруг разный, все сложно, что делать дальше – непонятно, но я вдруг осознала, что я стала добрее. Просто от того, что вышла наружу. Исчезло желание зарычать и всех покусать. Конечно, не все подвержены современной российской пропаганде, но даже у этих людей уходит столько сил на сопротивление, что они становятся озлобленными бесконечно. Попробуй скажи либералам и западникам, что им стоит совершенно по-западному перестать радоваться смерти сына «сатрапа режима», так тебя так отделают, как будто ты и есть тот самый сатрап.

Да, мне сейчас страшно, но страх – это человеческое чувство. А ненависть – нет.

И я очень хочу, чтобы еврейский национализм (он еще как есть) не получил поддержку большинства. Иначе опять придется куда-то бежать. Конечно, второй раз легче, но шарик маленький, не набегаяешься.

Иной раз я не знаю, в чем смысл жизни на земле, кроме воспитания, да только не понимаю, зачем воспитывать так жестоко. Я обязательно спрошу у Бога, если свидимся. Скажу: «Знаешь, уже пора поговорить серьезно». И так требовательно дерну его за бороду. Шучу.

У нас зима. Ты знаешь, что такое зима в Израиле? Сейчас все подробно расскажу. Это как лето в Москве. То есть градусов чуть меньше двадцати. На улице тепло, дома ужасно холодно. Обогреваться необходимо, но означает огромные счета за электричество. Если не обогреваться, ноги к камен-

ному полу примерзают. Хотя, если ветра и дождя нет, то еще ничего.

Но однажды внезапно наступает «тьма, пришедшая со Средиземного моря». Шторм такой, что ломает пальмы. В России редко бывает такой ветер и то недолго, а здесь несколько дней. А дождь наступает внезапно, но в виде тропического ливня. Зонта хватает на одну прогулку – его просто ломает. Белье не сохнет, и полное ощущение, что ты сейчас заплесневеешь прямо на ходу.

Зима в Израиле похожа на разжатую вдруг горсть, из которой посыпалось и посыпалось. Перелетные птицы стаями, цветы, трава и всякие милые глупости, которые прятались от жары. От белого зноя под синим небом, который здесь стоит большую часть года. В сущности, даже поливаемое ведет себя экономно. Кроме бугенвиллеи. Этой все равно. Она вам будет цвести водопадами хоть на адской сковородке. А сейчас у всех ветки новые с листиками, и еще не предел. Луна висит в небе ровной половинкой и это значит, что месяц кислев еще не дошел до середины. В середине иудейского месяца будет полная луна. Мне рассказали. Ну и грибы. Весь Израиль сходил по грибы и многие потом сходили к доктору на носилках. Но израильская медицина их спасла.

В феврале обещают поля цветов. Говорят, это очень красиво – поля цветов, но я пока не видела.

Зато вчера видела на кухне таракана. Впечатляет. Местные тараканы размером с мышь.

Конечно, все это ерунда, но пока привыкнешь к новой жизни, весь измучаешься ее непохожестью на твой предыдущий опыт.

Что ж, это называется «будьте как дети». И вот, я ребенок, который познает мир.

Дорогая Ольга!

Мы столько времени разговаривали о доверии, а тебе все не верится, что многое может поменяться, если доверие есть. Ты скептически относишься к изменениям в России, потому что «образованные» люди все время чем-то очаровываются. Однако заметь, всегда очаровываются чем-то глобальным и нереальным, вместо того чтобы очароваться достоинством отдельной человеческой личности. Не общими словами и общими лозунгами, а вниманием к человеку. Мой преподаватель истории в университете когда-то мудро заметил, что знаменитый манифест большевиков, который начинался словами «Всем! Всем! Всем!» был обращением «Никому! Никому! Никому!».

Сегодня за завтраком мы с братьями обсуждали одну знакомую католичку с богословским дипломом, у которой дочь вышла замуж за иудея и обратилась в иудаизм. Ты не думай, она это приняла, у нее нет никаких предрассудков, единственное, что ей не нравится, так это когда на Пурим ее пытаются накормить ушами Амана...

Так вот, я выразил мнение, что многие люди интересуются иным только потому, что видят мистику и загадку. В христианстве тоже есть мистические ресурсы, только у нас вера христианская находится в стадии разъяснения и работы головного мозга. В иудаизме и буддизме – на стадии размышления и практик. Нужно сделать так, чтобы воплощение христианской веры было воплощением блага в каждом моменте нашей жизни.

Не только великая дума о гениальном общественном и очарование своими мечтами. Намерения благие, но как только речь заходит о том, что при воплощении требуется общественное согласие, все готовы друг друга порвать. Я бы такую лакмусовую бумажку предложил – когда самый ужасный преступник будет сидеть в тюрьме, но и там при ограничении его свободы сохраняют уважение к его достоинству, возможно тогда ситуация начнет налаживаться.

И не придется тебе дергать Бога за бороду. В сущности, мы же не знаем, может, у него и бороды-то никакой нет.

Есть удивительная притча о полезности. У одного мужчины было два ведра, с которыми он ходил за водой. В одном ведре была дыра и часть воды выливалась по пути. Целое ведро ужасно гордилось собой, а дырявое огорчалось и однажды обратилось к хозяину с просьбой его починить. На что тот заметил: «Неужели ты думаешь, я не заметил, что из тебя проливается вода? Посмотри на тропинку, по которой мы ходим. На одной стороне все засохло, а на другой цветут цве-

ты. Этим ты принесло радость всем тем, кто еще проходит по тропинке».

Не нужно ни выбрасывать, ни заклеивать людей, которые не похожи на всех, возможно, от них самая большая польза.

В стране, где ты живешь, воды иногда долго не бывает, а потом она проливается сразу и много. Когда гроза и шторм, зонта хватает на одну прогулку. Нам кажется иногда, что наш знакомый человек – это пустыня. Песок, камни и колючки. И вдруг на него проливается чья-то доброта и он расцветает душистым лугом. Истинный герой не тот, кто победил своего врага, а тот, кто сделал из него друга. Кто знает, кто может обратиться, а кому уже ничего не поможет. Истинное свидетельство заключается в том, чтобы пытаться достучаться до человеческого в злодее.

...Твой таракан в природе играет какую-то роль и несет определенный смысл, даже если он размером с мышь. Кстати, я не верю. Меньше. Просто такой полноценный южный таракан. Достойный плод природы.

Ностальгия – русская болезнь

Дорогой Эдуард!

Сегодня Маша сама пошла в кино. С девочкой. Поехала на другой конец города на автобусе. Иврита обе не знают, практически. Я волнуюсь, хотя, конечно, надо осваиваться. И так, они адаптируются к молодежным развлечениям, а я пишу тебе письмо. Например, о развлечениях.

Мужчин в Израиле больше, чем женщин, и они такие... Немного южные... То естьходишь в море и вокруг тебя начинает кружить какой-то бодрый пенсионер, который только за этим в море и плавает. Таксисты очень донжуанистые, в Хайфе все почти таксисты арабы-католики. Жена, детей полно, религия не позволяет, а туда же. Но я не об этом хотела поговорить, а о том, что здесь совершенно другая культура отказа. То есть, если ты в России говоришь мужчине «нет», он думает, что ты себе цену набиваешь и это его еще больше раззадоривает. Здесь не так. На «нет» и спроса нет. Никаких попыток настоять на продолжении знакомства.

Не могу сказать, что мне это не нравится.

Какое знание получает наш ребенок? В лифт с посторонними никогда и ни за что. Тут можно. Правда, всегда есть риск, что заулыбают и захвалят насмерть.

И вот еще такая деталь, у них много детей. Сколько като-

лических копий бьется за рождаемость, противозачаточные средства запрещены, а детей все меньше. Уж не знаю почему, но догадываюсь. Зато тайну, как еврейки справляются с десятком (это в религиозных семьях не редкость), до сих пор не открыла. Выглядит естественно, но должен же быть какой-то подвох.

Напоследок еще одна масонская тайна. Дети ужасны. Они кричат, бросаются мячами, сбивают с ног. Но потом из них вырастают чрезвычайно милые и открытые юноши и девушки.

Надо в этом разобраться. Маша вернулась из кино, она справилась. Я очень рада. Хочу ее видеть раскованным израильским подростком.

Дорогая Ольга!

Итак, существует великая тайна еврейской семьи. Давай разбираться. Почему много детей и это получается легко и естественно. Дети, на самом деле, зеркало общества и того, что с ним происходит. Как и отношение к пожилым людям, бедным и инвалидам. Должно быть понимание, что дети – это дар и о нем нужно заботиться. В еврейской истории дети не просто дар, а дар великий. Благодаря им продолжается существование народа, несмотря на все бедствия, его постигшие.

Сейчас много говорится о том, что женщина может при-

нимать решение, как распорядиться своим телом и жизнью, но весь вопрос в том, не отказывается ли она от дара, который ей дан? Бог не обещает Аврааму, что он будет самым могущественным царем или самым богатым человеком. Нет, Бог обещает, что Он приведет его в страну, где тот получит наследника: «Твои потомки будут многочисленны, как звезды на небе». Вот она, мечта Израиля с самого начала. Чтобы жить, нужны отношения с другим, должен быть плод этой любви и дар миру, за который я отвечаю, но который не марионетка в моих руках. В каком-то смысле, отношения родителей с детьми, это отношения Бога с человеком. Хочешь узнать, какие отношения у человека с Богом, посмотри на его отношения с детьми. Если он пытается все контролировать, он и в Бога верит как в надзирателя, который за ним следит. Если ему все «до лампочки», он уверен, что и Богу на него наплевать. Касается не только «непосредственных» детей, но и детей духовных. Отношения Бога с Израилем – это образ сына и отца. Возможно, поэтому и так называемых «маньяков» в стране не так много, потому что есть понимание ценности ребенка. Это формировалось веками, всей культурой и всей духовностью. Первая заповедь, которая дана Моисею: «Тому, что я тебе скажу, ты научишь своих детей и они научат своих».

Ребенок не является выбором – хочу сейчас, хочу потом, вообще не хочу. Ребенок – это тайна пришествия Бога в твою жизнь. Есть огромная разница между римским, греческим

и иудейским отношением к ребенку. В латинском языке ребенок – это «тот, который не говорит». Не имеет права голоса и должен стать взрослым, чтобы обрести права. В иудаизме образ ребенка на груди матери – это образ Бога, внимательного к каждому из нас. Как сказано в сто тридцать первом Псалме: «Я как ребенок возле груди своей матери». В иудаизме ребенок – это именно тот, кто говорит, именно ребенку дана главная роль говорить и задавать вопросы на седед Песах – пасхальной трапезе.

«Что такого – жизнь без детей?» – думает современный европеец. В библейском Откровении ребенок – знак того, что Бог действует в моей истории. Знак благодати.

Потеря ребенка в еврейской традиции всегда была самым страшным, что могло случиться. Когда Давид теряет своего сына, выступившего против него с восстанием, Давид неутешен.

Есть еще один момент, который христиане почти потеряли, это Шабат. Раньше и мы соблюдали воскресенье практически так же, как иудеи субботу. Останавливается все, в том числе и потому, что у родителей должна быть возможность встретиться лицом к лицу с детьми, остановиться и обратить внимание. Дети тоже отключаются от учебы и друзей. В этот момент происходит обсуждение того, на что нужно время и покой. Иногда это некомфортно, когда приходится обсуждать сложные вопросы и недоразумения, но Шабат обязывает. Христиане изначально воспитаны в иудейской традиции,

но постепенно воскресение стало рассматриваться как день, в который можно доделать домашние дела и развлечься, сбежать от важного общения с семьей.

Ни одна нормальная женщина, ни один мужчина в здравом рассудке не согласится бездумно «делать» детей. Однако чтобы дети были даром любви, маме и папе необходим момент, когда они встречаются лицом к лицу. Не все люди верующие, но это важно и для неверующих, как я понимаю.

Я немного разъяснил тебе тайны еврейской семьи? Ты пишешь, как ужасны местные дети, но дети всегда не такие, какими мы их воображаем. Они непредсказуемы, и это тоже один из образов Бога. Он тоже иногда, в переносном смысле «кричит, бросается мячиком и сбивает с ног».

Дорогой Эдуард!

Я давяю это в себе, потому что должна быть собранной, но мне страшно. Страшно постоянно, хотя окружающие говорят, что я пока все делаю правильно. Но они забывают, сколько мне лет, а я-то помню. В этом возрасте пора завершать, а я снова начинаю с нуля. Без языка, без профессии, с ребенком на руках. Голый человек на голой земле.

Все дается с трудом, каждый шаг, который раньше казался элементарным. Что-то купить, о чем-то договориться. Все время приходится кого-то просить. Скоро закончится ульпан. Поверь мне, я хорошо училась и достигла определенных

успехов, но толково и самостоятельно общаться все равно не могу и когда смогу, науке неведомо.

Мне надо работать, но где? Кем? Мужчинам предлагают работу на шинном заводе, тяжелый, физический труд. Летом без кондиционера, и это значит, что температура в цеху будет никак не меньше пятидесяти градусов. Женщинам уборку за минимальную зарплату. Я знаю, что это не потяну. Это знаю, не знаю, что делать. И все думаю, думаю, думаю, думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.